

М. Ю. Михеев

Александр Гладков о поэтах,
современниках и — немного о себе...

(Из дневников и записных книжек)

Издательский Дом ЯСК

Москва

2018

УДК 82/821.0
ББК 83
М 69

Издание осуществлено при поддержке
Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ)
проект № 18-112-00016, не подлежит продаже

*Книга была обсуждена на ученом совете
лаборатории автоматизированных информационных систем НИВЦ МГУ
(апр. 2018)*

Михеев М. Ю.

М 69 А. К. Gladkov о поэтах, современниках и — немного о себе...
(Из дневников и записных книжек). — М.: Издательский Дом ЯСК,
2018. — 512 с., ил.

ISBN 978-5-6041006-7-7

В книге представлены незаконченные тексты Александра Gladkova: собраны свидетельства о поэтах, которых он ценил больше всего — о Маяковском, Цветаевой и Мандельштаме (с первым из них ему довелось общаться всего один вечер, в течение нескольких часов, вторую он вообще никогда так и не встретил, а третьего слышал лишь на одном выступлении), — и о современниках — Надежде Мандельштам, В. Шаламове, Ахматовой и И. Бродском, а также подготовительные материалы к его все-таки написанной при жизни, но известной в ту пору только по самиздату публикации на Западе книги «Встречи с Пастернаком» (с последним он общался в течение многих лет). Все тексты восстановлены из архива (РГАЛИ. Ф. 2590) и откомментированы, им предпослана автобиография Gladkova — также воссозданная по архивным материалам.

УДК 82/821.0
ББК 83

Mikhail Mikheev

Alexander Gladkov — about poets, contemporaries and a little about himself...
(From the diaries and notebooks).

This book contains Alexander Gladkov's texts that he did not have time to finish, but wished to write, constantly setting them aside and putting his drafts in his diary. He talks there about his most loved poets with whom he was a contemporary (Mayakovsky, Mandelstam, Tsvetaeva) or about famous people who he met personally (N. Mandelstam, V. Shalamov, A. Akhmatova, I. Brodsky). Also there are drafts for his book "Meetings with Pasternak", only published in samizdat and abroad, and never in his lifetime. All the texts were restored from the archive (RGALI, F. 2590) and commented. The book contains Gladkov's autobiography that was recreated on archival documents.

*В оформлении переплета использованы цитаты из дневника А. Г. Gladkova
и отзывы о нем его читателей*

ISBN 978-5604-1006-7-7

9 785604 100677 >

© Михеев М. Ю., 2018
© Издательский Дом ЯСК, 2018

ОГЛАВЛЕНИЕ [беглое]

Благодарности	4
Вводное слово	5
Условные обозначения	10
Глава I. Об имеющихся «автобиографиях» Гладкова	12
<Для автобиографии>.	15
Глава II. Наброски — о Маяковском, Цветаевой, Ахматовой.	60
<Тридцатый год, Маяковский, юность>	63
<О Цветаевой>	86
<Об Ахматовой>	103
Глава III. Диалог с Н.Я. Мандельштам по дневнику и переписке	127
<О Мандельштаме, встречи и беседы с Н.Я.>.	142
<Иосиф Бродский под защитой Н.Мандельштам>	218
Глава IV. [Предисловие П.М. Нерлера] Осип Мандельштам в записях Гладкова	223
<Глоссы о Мандельштаме>	229
Глава V. <i>Одержимый правдой</i> — В. Шаламов по дневнику Гладкова	241
Глава VI. [Предисловие Ел.В. Пастернак] <i>Давным-давно</i>	279
<Из черновиков «Бесед с Пастернаком»>	311
Послесловие, или Еще раз о дневниках Гладкова (в ранние и поздние его годы)	461
Приложения. Перечень публикаций дневников.	488
Именной указатель	492
Содержание (с перечнем иллюстраций)	508

БЛАГОДАРНОСТИ

Публикатор¹ благодарит за помощь тех, кто принял участие в комментировании текста, — Владимира Михайловича Алпатова, Елену Александровну Амитину, Ирину Юрьевну Белякову, Софью Игнатьевну Богатыреву, Николая Алексеевича Богомолова, Сергея Васильевича Василенко, Александра Дмитриевича Вентцеля, Наталью Александровну Громову, Марка Васильевича Головизнина, Якова Аркадьевича Гордина, Гасана и Чингиза Гусейновых, Бориса Федоровича Егорова, Валерия Васильевича Есипова, Дмитрия Исаевича Зубарева, Генриха Зиновьевича Иоффе, Сергея Александровича Крылова, Ирму Викторовну Кудрову, Алексея Алексеевича Макарова, Ольгу Макарову, Елену Михайлик, Павла Марковича Нерлера, Дмитрия Нича, Елену Владимировну Пастернак, Юрия Георгиевича Пастушенко, Константина Михайловича Поливанова, Людмилу Пружанскую, Александру Александровну Раскину, Ирину Леонардовну Савкину, Наталию Дмитриевну Солженицыну, Игоря Николаевича Сухих, Габриэля Суперфина, Валентину Александровну Твардовскую, Романа Давыдовича Тименчика, Юрия Львовича Фрейдина, Николая Михайловича Шейко, Григория Шеянова, а также ныне уже покойных — Виктора Марковича Живова (1945–2013), Жореса Александровича Медведева (1925–2018), Елену Цезаревну Чуковскую (1931–2015), Сергея Викторовича Шумихина (1953–2014), и за возможность самой публикации — дочь Александра Константиновича, Татьяну Александровну Гладкову (1959–2014).

Я благодарю также сотрудников архива РГАЛИ, где хранится фонд Гладкова, и лично его директора — Татьяну Михайловну Горяеву.

¹ Сам я ни в коем случае не являюсь автором этой книги, но только лишь — ее составителем, публикатором и комментатором наследия Гладкова, как и мои соавторы — Павел Полян и Елена Пастернак.

Илл. 1. А.К. Гладков: 1960-е годы

ВВОДНОЕ СЛОВО

В этой книге собраны работы Александра Гладкова, которые он так и не успел завершить, но имел в виду написать, постоянно делая наброски, помещая подготовительные материалы в дневник или попросту откладывая в стол...

Но кто же такой Гладков? — спросит читатель. Это человек, по большому счету оказавшийся в жизни *неудачником* — во всяком случае, сам он считал себя таковым: потому что, во-первых, не смог получить высшего образования (не приняли в вуз как сына непролетария), во-вторых, перепробовал множество профессий: пытался стать актером, режиссером, историком, писателем, собирателем книг, а в юности вынужден был зарабатывать работой журналиста-репортера... Увлекался театром, и через какое-то время работы для заработка, познакомившись с В.Э. Мейерхольдом, все-таки стал — помощником режиссера, завлитчастью

или даже кем-то вроде театрального администратора и секретаря при этом великом новаторе театра: Мейерхольд оценил его энергию и подрядил Гладкова вести дневник — по итогам всех своих встреч и спектаклей. Однако Гладков постоянно по тому или иному поводу «комплексовал»:

Моя ранняя принадлежность к журналистскому цеху наполняла меня гордостью (те, кто начинал работать в газете, знают, как в этом возрасте вкусно пахнут свежие гранки и какую магическую силу имеют слова «петит», «корпус», «нонпарель», «абзац», «шпон», «разрядка» и др.), но в то же время заставляла побаиваться, что Мейерхольд, узнав, кто я такой, прикажет перестать пускать меня в свой театр.¹

Затем, уже уйдя от Мейерхольда, он стал театральным драматургом... причем таким, которого сам Борис Пастернак как будто с искренней завистью назовет *удачливым* — за его пьесу «Давным-давно» (это произойдет в 1942-м, в эвакуации, в Чистополе, за 20 лет до рязановского фильма, созданного на основе этой пьесы, т. е. «Гусарской баллады»). Потом еще Гладков отсидит, по «делу букинистов», шесть лет в Каргопольлаге, где, слава богу, не все время был на общих работах [В воспоминаниях Ильи Солломоника («Новый Мир». 1993. № 6) утверждается, что на общих работах в 1949 г. он не был, так как тогда сильно хромал и ходил с палочкой], а исполнял обязанности культработника (заведовал театральной студией, ставил концерты и спектакли), а освободившись и вернувшись домой в Москву, ощутит себя писателем и — мемуаристом. (Это был второй звездный час Гладкова.) Но сам-то он втихомолку метил гораздо выше, чем только в авторы одного водевиля, автора сценария к нему же как кинофильму или в авторы двух мемуаров, а считал себя — ни много ни мало — *поэтом*. Мечтал стать на самом деле серьезным историком или *прозаиком*, кем-то никак не меньше Марселя Пруста... И безусловно оказался недооценен современниками, отчего всю жизнь страдал, но почти ничего не делал, чтобы как-то выправить ситуацию.

Приведу здесь еще одно характерное для него собственное признание, сделанное за десять лет до смерти (в дневнике от 4 нояб. 1966), после второго из своих «звездных» часов, т. е. признания

¹ Из главы «Знакомлюсь» в книге Гладкова «Пять лет с Мейерхольдом».

и успеха не как драматурга, а во второй ипостаси, в качестве мемуариста:

Как это ни странно, но «Встречи с П[астернаком]» — иначе и по-другому дали мне то, что в ином масштабе дала пьеса «Давным-давно» — и больше ничто из всего мною написанного. «Д.д.» дала всенародное и длительное признание и любовь театралов и актеров, а воспоминания о Б.Л. [Пастернаке] — восхищение и признание узкого круга знатоков, стихолюбов и лучшей части литературного мира.

Реально же Gladkov только после своей смерти, и не для современников, а для нас, читателей XXI века, превратился в настоящего летописца своего времени, когда стали известны его дневники. Это его основная и, как мне кажется, — подлинная ипостась.

* * *

Александр Константинович Gladkov (1912–1976) начинал карьеру как журналист-репортер. После школы дважды, в 1929 и 1930 годах, пытался поступить в вуз, сначала в МГУ, а потом во ВГИК, но оба раза его не приняли как сына *совслужащего* (с формулировкой: *недостаточный трудовой стаж*). Позже он станет театральным актером, режиссером, руководителем любительской студии, сценаристом, и наконец — драматургом. Написанная прямо накануне войны стихотворная пьеса «Давным-давно» (1940–1941) сделает его широко известным, а фильм, поставленный по ней же еще через 20 лет («Гусарская баллада», 1962, реж. Э. Рязанов), прославит уже на всю страну. Но еще Gladkov писал критические статьи о театре, о литературе, прекрасно выступал на диспутах (что в свое время оценил Мейерхольд). И тем не менее как-то невысоко ценил собственные успехи. В глубине души он возлагал надежды на иной свой талант — не драматурга, а писателя-прозаика.

АКГ — так в шутку, по инициалам имени, отчества и фамилии, называла Александра Константиновича Gladkova одна из близких его знакомых (и мы так будем называть его в этой книге, для сокращения, уже без всяких шуток) — АКГ всю жизнь хотел писать прозу и всерьез замахивался даже на жанр романа. К сожалению,

из этого ничего не вышло. Романы так и остались ненаписанными, только в заготовках — о Жанне д'Арк, о Наполеоне, Дрейфусе, о Байроне, о Есенине, о 37-м годе в России. ... После смерти в его литературном архиве обнаружилось около 50 томов рукописного и машинописного дневника, который, пока автор был жив, он почти никому не показывал. Этот труд он ценил превыше всех написанных им пьес, сценариев, снятых фильмов и статей. В дневнике ему удалось отразить события жизни СССР начиная с 30-х годов и до середины 70-х. Причем последние полтора десятилетия, 1960–1976, описаны наиболее профессионально (если возможно говорить о писании дневника как о некой профессии).

В целом вся эта книга, которую держит сейчас перед собой читатель, — лишь только подготовительные материалы к написанным и *недописанным* его мемуарам: они собраны по дневниковым выпискам и записным книжкам АКГ, а также по его переписке, из того, что хранится в архиве Гладкова в РГАЛИ (Фонд 2590).

Довольно точно об АКГ выразился Борис Углицких в «Реквиеме по забытому таланту», предназначавшемся для так и не отпразднованного столетия этого многостороннего человека, автора множества текстов, остановленных буквально на полдороге:

...Гладков был из тех творческих людей, которые подавали большие надежды, но не сделали всего того, что могли бы и обязаны были сделать. Он сам признавался, что «слишком разбрасывался» — то увлекался Байроном, то наполеоновскими войнами, то Пастернаком, то еще кем-то и чем-то. Собирал материалы, вникал в детали, делал наброски, а потом неожиданно охладевал к теме.²

Наиболее крупные из этих отложенных тем, не завершенных автором, представлены ниже, как бы будучи *дописаны* за него. Фрагменты и отрывки, собранные в этой книге, фиксируют, по крайней мере, объекты его внимания, которое было обращено сразу ко многим современникам, но так и не получило воплощения в законченных текстах, оставшись только в заготовках, пробах пера и отрывочных записях. Это касается всех глав книги, за исключением последней, посвященной Б. Пастернаку: о нем АКГ, как и мечтал,

² Углицких Борис. Безымянное бессмертье (запоздалый реквием по забытому таланту); <http://www.proza.ru/2015/04/01/1822> (февраль 2013 г.).

все-таки написал отдельную книгу. И дождался-таки ее выхода, хотя опубликована она была не на родине и не им самим, а за границей — по варианту, взятому без ведома автора из самиздата, со множеством неточностей. В настоящей работе восстановлен ее черновик, представляющий собой, как мне кажется, особую ценность.³

Иначе эту работу следовало бы назвать, наверное, так: «Книга о поэтах и современниках Александра Гладкова, им самим так и не завершенная».

Илл. 2. Александр Гладков
(1930-е годы)

³ Подобного черновика его книги о В. Мейерхольде восстанавливать не пытаюсь, поскольку не являюсь специалистом по театру. — *М.М.*

УСЛОВНЫЕ ОБОЗНАЧЕНИЯ

Отмечу следующие особенности текста:

— многие лица, часто упоминаемые в дневнике, обозначены в нем сокращениями, так же как сам АКГ;

— своеобразное написание им самим некоторых названий, имен и фамилий, которые автор часто воспроизводит со слуха, отступая от общепринятых норм (многие редко или вообще не появлялись в то время в печати), а зачастую следуя нормам старой орфографии; в подобных местах нижним подчеркиванием отмечены типичные для АКГ ошибки (*реабелитация*), опечатки (*перреферия*) и особенности написания (*съэкономил* или *терасса*); среди подобных слов также названия, не имеющие устоявшегося написания или же услышанные и воспроизведенные автором со слуха (*Басалошвили* — вместо Басилашвили, *Соложеницын* или *самоиздат* вместо самиздат, *Бибиси* вместо Би-би-си);

— написание им частиц (как правило, без черточки) — помечено в тексте подчеркиванием;

— выделения в машинописи АКГ обычно делал разрядкой, однако в тексте книги они переданы **полужирным** шрифтом;

— (1, 2 об., 25)... — числами в скобках перед началом текста обозначены номера листов (и их оборотов) по соответствующей архивной единице РГАЛИ;

— [...] — квадратными скобками (с текстом внутри них) я пользуюсь для обозначения моей публикаторской вставки внутри текста АКГ (с сокращенным пересказом или пояснениями, но не с текстом самого АКГ) и для само собой разумеющихся, легко восстанавливаемых конъектур в тексте дневника;

— <...> — угловыми скобками — обозначение существенных для текста конъектур, в распознавании которых остается загадка, допускающая альтернативу (однако многоточие внутри этих скобок по традиции обозначает купюру публикатора в тексте АКГ); при этом пропуски между подневыми записями дневника специально не фиксируются;

— # — знак «решетки» заменяет убранный из текста абзацный отступ внутри подневной записи, для компактности;

— ## — знак двойной «решетки» фиксирует конец подневной записи.

Все цитаты из дневников или записных книжек АКГ — по соответствующим единицам хранения его фонда в архиве РГАЛИ (Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. № 75–116).

Глава I

ОБ ИМЕЮЩИХСЯ «АВТОБИОГРАФИЯХ» ГЛАДКОВА

Таким поистине «пустыкам», как собственная *автобиография*, АКГ, конечно, не придавал никакого значения и не имел надежд на ее не только прижизненную, но вообще когда-либо возможную публикацию. Поэтому последовательной автобиографии, ее текста у него никогда и не существовало. (Собственно говоря, *автобиография* — единица хранения в какой-то степени вообще условная, придуманная только составителями его архивного фонда.) От самого АКГ осталась только масса разрозненных как по содержанию, так и по времени написания, по тому или иному случаю набросанных кусочков, или *приступов* к ней, фрагментов, вообще как-либо смыкающихся с автобиографией, ближе всего к ней стоящих, — как, например, его воспоминания о детстве, о доме с садиком в старинном окском городке Муроме, где он родился,¹ или же отдельные зарисовки, эпизоды прошлого этой провинциальной, еще «муромской», а позднее — уже столичной, московской, России 20-х и 30-х... По сути дела, всё это тоже черновики разных когда-то задуманных, но не осуществленных работ, отнесенные то ли самим АКГ, то ли скорее все-таки собранные теми, кто занимался архивом после его

¹ Кстати, фамилия *Гладковы* произносилась изначально, по-видимому, с ударением на первом слоге, *Гладковы*: так следует из архивных разысканий о многочисленных купеческих кланах Гладковых в Муроме (благодарю за эту информацию Григория Шеянова).

ухода,² в одно место. Очевидно, что автор — человек в какой-то степени весьма пунктуальный — попросту складывал вместе документы, которые должен был заполнять по различным поводам или надобностям, как то: для поступления в институт (куда, повторюсь, он так и не поступил), оформляясь на ту или иную работу, и те, которые писал в виде анкет, уже для какого-то издания — перед выходом очередной своей пьесы или статьи в журнале. Кроме того, сюда же, к единице хранения, озаглавленной в архиве «Автобиографии», добавлены гораздо более объемные наброски воспоминаний (ед. хр. 30 того же фонда 2590, под названием «Планы, наброски, записи...»). В этих фрагментах рассказывается:

— о детстве в Муроме, откуда в 1925 году семья перебралась в Москву, вслед за отцом, Константином Николаевичем Гладковым, инженером, который стал работать в столице;

— о первой влюбленности АКГ, в 11 лет;

— о еще нэповском Муроме и тамошних известных купеческих фамилиях: *Суздальцевых*, *Гундобиных*, *Воцининых*, *Мошенцевых*, *Мяздриковых*, а также *Зворыкиных* (кстати, это тот самый Зворыкин, знаменитый изобретатель телевидения,³ до революции эмигрировавший в США, а потом, после войны, оказывается,

² Соседка по дому Цецилия Кин, собственно, и обнаружила первой его тело: АКГ умер один в своей квартире, от сердечного приступа. Кое-что из этих автобиографических записей было опубликовано Кин — например, в первой после его смерти публикации, озаглавленной «Из попутных записей» («Вопросы литературы». 1976. № 9): [о чтении] с. 208–209; [о журналистике] с. 209–212; [о работе в студии Хмелева, о Москве середины 20-х гг.] с. 212–215.

Кин Цецилия Исааковна или, в дневнике, просто *Ц.И.* (1905–1992), литературный критик, литературовед, публицист, специалист по культуре Италии; вдова писателя Виктора Кина. Соседка Гладкова по дому на Красноармейской улице и его близкий друг в последние годы жизни: как он сам говорил, у него был с ней *роман отношений*. Она придумала и использовала шуточное сокращение, по его инициалам: «Вскоре после того, как Александр Константинович Гладков впервые появился в моем доме (14 января 1964 года, день рождения Виктора Кина), я стала называть его АКГ, и это ему, кажется, нравилось» (*Кин Ц. О дорогом АКГ* — <http://do.gendocs.ru/docs/index-61281.html>).

³ Владимир Козьмич Зворыкин (1888–1982), русско-американский инженер, родившийся и получивший образование в России и впоследствии эмигрировавший в США, где прославился как изобретатель современного телевидения.

приезжавший в Москву и видевшийся как будто с семьей Гладковых, поскольку он приходился родственником матери отца АКГ, в девичестве Зворыкиной);

— о Москве, увиденной глазами АКГ-неофита середины 20-х годов, для которого *башня Моссельпрома* в семь этажей воспринималась как «небоскреб»;

— об устройстве тогдашних газетных киосков, ларьков, где можно было, оказывается, не только посмотреть, но и почитать самые последние издания (они были привязаны к прилавкам на веревочках);

— о том, как сам Гладков, еще подростком, в первый и в последний раз видел Есенина: на пересечении Тверской и Садового кольца тот покупал газету в киоске, что было осенью 25-го, незадолго до его гибели;

— о встречах с Маяковским, которого АКГ боготворил, и об одном разговоре с ним во время прогулки по ночной Москве (в архиве этот текст помещен внутри общего отрывка, объединенного как раз с воспоминаниями и автобиографиями);

— о внутривнутрипартийной борьбе в конце 1920-х — начале 30-х годов и участии в ней старшего двоюродного брата, племянника отца, Анатолия Михайловича Гладкова (потом, в 1937-м, тот окажется арестован и погибнет в сталинских лагерях); ранее, только еще по переезде семьи в Москву, этот самый Толя Гладков раскроет перед младшим братом мир столичных театров, в результате чего последний буквально заболит театром и сделается на долгие годы завзятым театралом, не пропускавшим, по его словам, ни одной премьеры начиная с 1925 и до 1933 года;

— о том, как наш герой учится в школе-семилетке, бывшей московской *Медведниковской* гимназии, а «теперь», т. е. тогда, когда пишет одну из первых «Автобиографий», в 1928-м, готовясь к поступлению в вуз, его гимназию переименоуют в *9-ю опытно-показательную школу МОНО имени Томаса Эдисона*, в Староконюшенном переулке (всякий раз, когда в городе случалась какая-нибудь театральная премьера, он срывался и попросту удирал с уроков);

— о том, как, окончив учебу, АКГ пытался подать документы в Московский университет на факультет журналистики, но его туда не приняли за *непролетарское* происхождение, как сына *служащего*, хотя в то самое время его отец был на престижной руководящей

работе в металлообрабатывающей промышленности и часто, как он пишет, «на заседаниях в Госплане сидел рядом с Куйбышевым, Рудзутаком, Осинским, Шляпниковым». Но в то время, как видно, понятие «блат» совсем не так было развито в русской культуре, как теперь, и воспользоваться знакомствами отца мальчик считал для себя зазорным. Не примут его и позже в ГТК, т. е. *государственный техникум кинематографии* (как до 1934 г. назывался будущий ВГИК), поскольку отец Гладкова все равно относился к *совслужащим*, а это оставалось скверной рекомендацией: «Меня из-за этой строчки не приняли в Московский университет и уже принятого в Институт Кинематографии исключили перед началом занятий, чтобы взять на мое место кого-то командированного “с производства”».

<Для автобиографии>⁴

[§0. возможный эпиграф — на очень старой, желтого цвета бумаге, истертой, с пятнами:]

(21) Есть вещи которые навсегда исчезают из истории, — их никто не записывает[,] потому что сначала все думают, что это всем известно, а потом потому[,] что многое забылось. «На кухню вынесли тарелки. Никто не помнит ничего» (Пастернак).⁵ Между тем надо записывать, не избегая мелочей. Из двух Сен-Симонов я предпочитаю того, кто записывал церемонии и сплетни Версаля, тому, кто рассуждал о грядущем счастье человечества.⁶

⁴ Это, как и все остальные условные названия в этой книге, дается в ломаных скобках. Тут выборка из единиц хранения «Автобиографии А.К. Гладкова» [автограф, авторизованная машинопись, л. 1–22: 1930–1971 гг. // РГАЛИ. Ф. 2590. Оп. 1. Ед. хр. 411] и «Планы, наброски, записи к историческому автобиографическому роману» в архиве [автограф и маш-сь; 129 л.: 1960-е – 1970-е гг. // Там же, ед. хр. 30].

⁵ Последнее четверостишие из ст. Б.Л. Пастернака «Вакханалия» (4 августа 1957 г.): *Прошло ночное торжество. / Забыты шутки и проделки. / На кухне вымыты тарелки. / Никто не помнит ничего.*

⁶ Имеется в виду граф Анри Клод Сен-Симон (Saint-Simon; 1675–1755), известный социальный реформатор и один из самых знаменитых мемуа-